

ческая «тема». За все это долгое развитие устоялась традиция изображать павший режим саксонского или венского фаворита как «плачевные годы», «страшную бурю» и т. д., а результаты дворцового переворота, как «избавление», «спасение» («счастливая премена» у Ломоносова), сопровождаемые «ликованием» столицы (у Ломоносова выработалась тоже устойчивая рифма на этот случай: *лики клики — passim*). Особенности немецкой «конституированной анархии» (Гегель) в империи ни Священной ни Римской (Вольтер) усилила устойчивую Малербову тему (у Малерба централистскую и антифеодальную) и придала ей иной политический смысл. Глубочайшая коррумпированность, свойственная эпохе абсолютной монархии, позволяла поэтам славить по очереди все сменявшиеся правящие группы; в иных случаях «счастливая премена» воспевается искренно, и ода может служить документом действительных политических взглядов автора (или, по крайней мере, политического отношения к событию); в каждом отдельном случае нужен разбор вопроса, с учетом всей политической обстановки: радостная ода 1801 г. имеет иную документальную ценность, чем ода на события 1742 г., и т. д.

Характер русской дворцовой истории XVIII в. определил особое значение этой темы в оде Ломоносова и всей его школы. Абстрактность одического стиля, своего рода универсальная алгебраичность одического языка (чему разительный пример мы видели выше: характеристику Бирона у Ломоносова Державин переносит на ислам) привела и здесь к выработке поэтических формул, применимых и к бироновщине, и к режиму Петра III, и к царствованию Павла. Тредьяковский 1742 г. (в оде Ломоносовского стиля):

Поставлены уж сети были,
Ям оказалась глубина,
Беды и скорби нас губили,
И ненависть вооружена.

и т. д.

Ломоносов 1748 г. (I, 38):

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум.
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум.
Там буря искры завивает

и т. д.